

**Соколовские научные чтения – IV.
Памяти профессора А.Г. Соколова.
Материалы конференции**

А.Д. Маглий

Неисторический роман XXI века

Аннотация: В статье рассматривается явление ‘неисторизма’ (антиисторизма), возникшее в литературе в начале XXI в. Под вопрос ставится возможность пополнения литературоведческого тезауруса новым термином – «неисторический роман», которым современные авторы обозначают жанровую принадлежность своих текстов. В ходе анализа неисторических романов выявляются основные признаки, характерные для неисторической (антиисторической) прозы и отличающие ее от прозы исторической, от таких явлений, как historical fiction, historical fantasy, новый историзм, и от историзма вообще.

В статье отмечается, что особая авторская позиция и особая концепция времени, а также масштаб универсализма – основные отличительные признаки неисторической прозы.

Автор статьи определяет место этого направления в современной прозе и в современном литературном процессе в целом.

Ключевые слова: неисторический роман, historical fiction, историческое время, история спасения, вневременность, вечность, жанр, роман о художнике, роман творческого самосознания

Abstract: The article deals with the phenomenon of non-historical method (antihistorical method) which has emerged in the literature at the beginning of the XXI century. The possibility of replenishment of literary thesaurus by new term ‘non-historical novel’ which modern authors define the genre of their texts is questioned. The main characteristics of non-historical (anti-historical) prose which distinguishes it from historical fiction, from such things as historical fiction, historical fantasy, new historicism and historicism in general are identified in the analysis.

The article shows that special author’s position and particular conception of time, as well as the scale of universalism are the main distinctive features of non-historical prose.

In summary, the conclusions about the place of this trend in modern prose and modern literary process as a whole are drawn in the article.

Key words: non-historical novel, historical fiction, historical time, history of salvation, the timelessness, eternity, genre, a novel about the artist, a novel of creative self-consciousness

Литературный процесс начала XXI в. отмечен появлением такого феномена, как *неисторическая проза*. В 2012 г. увидел свет роман «Лавр» Евгения Водолазкина, названный самим автором романом *неисторическим*. «Харбинские мотыльки» – роман Андрея Иванова 2013 г. – также назван *неисторическим*. В 2014 г. выходит «Мысленный волк» Алексея Варламова, который тоже не вписывается в канонические рамки жанра исторического романа.

Е.Д. Шубина охарактеризовала это явление как тенденцию в современной литературе. «Тенденция последних лет – проза с сильным историческим контекстом, – замечает руководитель редакции современной российской литературы издательства АСТ. При этом книги – не исторические романы <...> а, скорее, *historical fiction*, где внутри исторического контекста идет самоидентификация современного человека»¹. И далее приводит имена писателей, в прозе которых проявился неисторизм: Владимира Шарова, Захара Прилепина, Гузели Яхиной и, конечно, Евгения Водолазкина. На самой обложке «Лавра» указано *Неисторический роман*.

Можно ли, на самом деле, отождествлять появившееся явление с *historical fiction*? И какого оно порядка: характеризует жанровую принадлежность романов? Или больше подходит для обозначения довольно широкого направления, наметившегося в современной мировой литературе?

Historical fiction – особый жанр, отличающийся и от *alternate history*, и от *historical fantasy*. Как и для любой романной модификации в принципе, для этого жанра немаловажной оказывается категория времени. Именно то, как изображается в тексте время, во многом влияет, а в некоторых случаях и полностью определяет жанровую специфику того или иного романа, как в случае с *historical fiction*, или тем, что в XX в. фактически называлось *осовремениваем*, модернизацией истории.

«Для того чтобы пробудить в читателе хоть некоторый интерес, необходимо изложить избранную вами тему языком и в манере той эпохи, в которую вы живете»², – писал Вальтер Скотт, основоположник *historical fiction* в западноевропейской литературе. Предпосылки возникновения исторического романа у Вальтера Скотта подробно описаны в книге Г. Лукача «Исторический роман». К ярким явлениям *historical fiction* относятся «Повесть о двух городах» Ч. Диккенса, «Ярмарка Тщеславия» У. Теккерея, «Ромола» Д. Элиот, «Царь Иисус», «Золотое руно» Роберта Грейвса, «Вильгельм Завоеватель» Джорджетт Хейер, «морская трилогия» У. Голдинга – в Великобритании. «Последний из могикан» Ф. Купера, «Алая буква» Н. Готорна, «Авессалом, Авессалом!» У. Фолкнера, исторические романы Г. Видала и Дж. Барта – в США. Во французской литературе – «Человеческая комедия» О. Бальзака, романы В. Гюго и А. Дюма. В Германии – «Будденброки» Т. Манна, в Швейцарии – «An Ice-Cream War» У. Бойда и т.д. К *historical fiction* относят и «Войну и мир» Л. Толстого.

Однако то явление, которое возникло и развивается в литературе сейчас, в рамках *historical fiction* не вписывается.

¹ «Русский нон-фикшн»: итоги самого престижного книжного форума страны: <http://www.forbes.ru/forbeslife/dosug/307379-russkii-non-fikshn-itogi-samogo-prestizhnogo-knizhnogo-foruma-strany>

² Скотт В. Айвенго. М., 2013. С. 22.

«Историческому роману до Вальтера Скотта не хватает именно исторического мышления, другими словами, понимания того, что особенности характера людей вытекают из исторического своеобразия их времени»¹ – так Г. Лукач определяет условия возникновения исторического романа. Исторический роман возможен тогда, когда появляется историческое время, когда человек начинает осознавать себя в истории, когда возникает в полном смысле слова историческое мышление. «Реалистический общественный роман XVIII века <...> сделал крупный шаг, приближающий литературу к действительности. Однако этот роман не ставит еще себе задачу изображать людей в условиях конкретного исторического времени. <...> Современная действительность передается в нем часто с поразительной пластичностью и жизненной правдой, но принимается совершенно наивно, просто как существующая; откуда и как эта действительность возникла – такой вопрос вовсе не стоит перед писателем. Эта отвлеченность в подходе к историческому времени влияет и на изображение исторического места действия»². Поэтому Вальтера Скотта и называют родоначальником исторического романа, который «продолжает линию реалистического общественного романа XVIII века»³. Далее, как замечает Г. Лукач, под несомненным влиянием шотландского романиста появилась новая школа французских историков – школа «Анналов».

Явление неисторизма, возникшее в литературе сейчас, отлично и от historical fiction, и от историзма «Анналов», и от американского «нового историзма». Оно вообще не ограничивается рамками историзма.

Евгений Водолазкин считает, что мы живем во время перемен, когда маятник истории должен качнуться. И в его романе «Лавр» маятник истории, миновав весь исторический период, качнулся в доисторизм, когда представления людей о времени и пространстве были иными, – к Сотворению мира, к античности и средневековью. В «Лавре» актуализировались все формы античного романа с соответствующими формами времени. Там есть и античная (циклы, ритмы), и христианская средневековая временная ориентация (линейное время, история движется от акта божественного творения к Страшному суду).

А.Я. Гуревич писал о существенной особенности перехода от античности к средневековым представлениям о времени: «<...> при всей своей “векторности” время в христианстве не избавилось от циклизма; коренным образом изменилось лишь его понимание. <...> поскольку время было отделено от вечности, то при рассмотрении отрезков земной истории оно предстает перед человеком в виде линейной последовательности, – но та же земная история, взятая в целом, в рамках, образуемых сотворением мира и концом его, представляет собой заверченный цикл: человек и мир возвращаются к творцу, время возвращается в вечность»⁴.

Немаловажен для понимания отличий исторического времени от архаического – антиисторического – концепт времени «история спасения», сочетающий в себе два типа времени в их взаимосвязи: земное, историческое время и сакральное время «истории откровения». «Понимание земной истории как истории спасения придавало ей новое измерение»⁵, – отмечал А.Я. Гуревич.

¹ Лукач Г. Исторический роман // Литературный критик. М., 1937. № 7. С. 47.

² Лукач Г. Исторический роман. С. 47.

³ Там же. С. 58.

⁴ Гуревич А.Я. Что есть время? // Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 121.

⁵ Там же.

В «Лавре» представлены все существующие формы времени: и авантюрное время случая, и временное зияние, и время «истории спасения». И протяженность времени в пространстве, и временные циклы, и историческое время, а скорее – историческое мышление, делящее действительность на прошлое, настоящее и будущее, – все это время, существующее в сознании героев. Происходящие в «Лавре» события соотносятся с Сотворением мира и вечностью.

Роман Е. Водолазкина – своего рода роман-ритуал, в котором вновь воспроизводится вечный сюжет, описанный в книге Бытия, а главные герои – Арсений и Устина – подобны Адаму и Еве. Акцент на Средневековье сделан не случайно: «архаическое мышление антиисторично»¹, как писал в своей книге А.Я. Гуревич. И далее он приводит парадоксальную особенность средневекового восприятия времени – «слияние библейского времени со временем собственной жизни <...> человек ощущает, осознает себя *сразу в двух временных планах*: в плане локальной преходящей жизни и в плане общеисторических, решающих для судеб мира событий – сотворения мира, рождества и страстей Христовых. Быстротечная и ничтожная жизнь каждого человека проходит на фоне всемирно-исторической драмы, вплетается в нее, получая от нее новый, высший и непреходящий смысл. Эта двойственность восприятия времени – неотъемлемое качество сознания средневекового человека»². Такая двойственность восприятия времени свойственна и героям «Лавра», в большей степени, конечно, главному герою Арсению, проживающему земное время и стремящемуся приобщиться ко времени сакральному. Роман же в целом – это разворачивающаяся драма борющихся друг с другом добра и зла. «Всемирно-историческая борьба между добром и злом – личное дело каждого верующего»³. Эта борьба разворачивается в сознании героев. Значит, роман Е. Водолазкина по жанровой принадлежности можно причислить к «роману творческого самосознания» – одной из модификаций романа о художнике⁴.

«Лавр» назван неисторическим: историческое время там есть, но авторское внимание сфокусировано не на нем и не на современности. Позиция автора – взгляд из вечности, охватывающий все происходящие события в одновременности.

Подобное построение характерно и для «Письмовника» М. Шишкина. Роман фактически открывается из вечности: «Открываю вчерашнюю “Вечерку”, а там про нас с тобой. Пишут, что в начале снова будет слово. А пока в школах еще по старинке талдычат, что сперва был большой взрыв и всё сущее разлетелось. Причем всё якобы существовало уже до взрыва – и все еще не сказанные слова, и все видимые и невидимые галактики. Так в песке уже живет будущее стекло, и песчинки – семена вот этого окна, за которым как раз пробежал мальчишка с мячом, засунутым под футболку»⁵. Как и «Лавр», «Письмовник» М. Шишкина – роман-ритуал, в котором снова воспроизводится вечный сюжет. Роман представляет собой переписку двух влюбленных – писателя Володи и Александры. Письма написаны так, как будто то, что происходит с героями, случается в мире впервые. Герои осознают себя сразу в двух временных планах: земной жизни и вечности. Земное, историческое время в романе то и дело рвется. «Письмовник» наполнен временными зияниями, прорывами в сакральное. Саша уподобляет себя и Воло-

¹ Гуревич А.Я. Что есть время? С. 108.

² Там же. С. 153–154.

³ Там же. С. 154.

⁴ Скороспелова Е.Б. Русская проза XX века. От А. Белого «Петербург» до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003. С. 201.

⁵ Шишкин М.П. Письмовник. М., 2010. С. 3.

дю по строению – вселенной: «А знаешь, что получится, если вот этот звездный числитель за окном поделить на знаменатель? Одну половину Вселенной на другую? Получусь я. И ты со мной», «вот это колечко у меня в животе и есть пуп земли. И та цепь, которая проходит через него, – это и есть ось Вселенной, вокруг которой движется мироздание – вот сейчас со скоростью миллионов световых зим»¹. Ветрянку героиня называет звездной ветрянкой: сыпь на животе – это созвездия, а пупок – луна. Через много лет увидела, что так изображали древние египтяне богиню неба Нут»².

Исторические события в романе есть (поход на Пекин, Ихэтуаньское восстание), но позиция М. Шишкина, как и Е. Водолазкина, – вневременная. Авторский фокус не в историческом прошлом и не в современности. Позиция автора внеисторическая – взгляд из вечности. Так же как и «Лавр», «Письмовник» по жанру можно назвать антиисторическим романом творческого самосознания, романом о художнике.

Роман «Возвращение в Панджур» А. Волоса по своей композиции похож и на «Лавр» Е. Водолазкина и на «Письмовник» М. Шишкина. Снова пара: Сабзина и Шеравкан – герои романа, подобные Адаму и Еве. По жанровой принадлежности это также роман о художнике – о персидском поэте Джафаре Рудаки, ставшем Царем поэтов, а потом ослепленным. Ведомый мальчиком-поводырем Шеравканом в Панджур потерявший зрение поэт не потерял душевной пронизательности. Герои романа ждут прихода двенадцатого имама правоверных – Махди, который появится на земле перед концом света. Роман двупланов: с одной стороны, изображается локальная преходящая жизнь, с другой – происходящие события соотносятся с событиями общеисторическими – сотворением мира, концом света, воскрешением. Исторический план в романе есть, но в целом «Возвращение в Панджур» – роман, скорее, антиисторический. Это роман-ритуал, воспроизводящий целый цикл – события от начала мира до его конца, так же как и «Лавр» Е. Водолазкина, и «Письмовник» М. Шишкина.

Роман «Харбинские мотыльки» А. Иванова назван неисторическим романом. Как метко отметил Евгений Фурин в статье «Семя, которое не прорастет», «реконструкция сознания героя (или героев) волнует писателя гораздо больше, чем воссоздание исторических событий». «“Харбинские мотыльки” – еще один “неисторический роман” (вспомним “Лавр” Е. Водолазкина), в котором исторический контекст играет роль вспомогательную: Водолазкину он помогает говорить о Боге и вечности, Иванову – о распаде и небытии. Эпоху для этого разговора Иванов выбрал идеальную: крах Российской империи, Гражданская война, эмигрантская Эстония, идеи фашизма. То, что нужно, если поставлена задача создать атмосферу хаоса и декаданса. <...> Разруха, она не только в клозетах, но и в головах. А в головах у персонажей “Харбинских мотыльков” – разброд и шатание»³, – пишет Евгений Фурин. Вечная тема – тема перехода из бытия в небытие, жизнь и смерть как физические явления, над разгадкой тайн которых бьются ученые, оказывается в фокусе авторского изображения.

Жизнь художника Реброва в романе сравнивается с кривой ногой Ипполита из «Мадам Бовари». «Вся моя жизнь, как кривая нога Ипполита из Madame Bovary, высохшая, как то дерево в парке: большей частью сухое, треснуло, но живет, так

¹ Шишкин М.П. Письмовник. С. 6, С. 25.

² Там же. С. 25.

³ Фурин Е. Семя, которое не прорастет // Литературная газета. 2014. № 13. С. 17..

и я. Мою ногу уже не выправить; ампутировать разве что»¹, – пишет он в своем дневнике.

Евгений Фурин замечает, что «Реброву хочется вытравить свое трагическое прошлое, вытравить идеи, вытравить мысли и знания, которые не дают облегчения человеку»². «– Мысль... Обязательно вам нужна мысль. – В голове у Бориса вспыхнуло. – Я уже задыхаюсь от мыслей! Не знаю, как от них избавиться! Пыль смахнул, и нет пыли. А вот Киркегаарта или Ницше, если прочитал раз, до конца жизни с ними жить будешь. А они там, внутри, что-то с тобой делают. Хочешь, не хочешь, поздно. Впустил, значит, что-нибудь будет. Старый диван из комнаты можно выкинуть, а Достоевского не выкинешь»³.

Именно мысль оказывается смертоносной и губит человека. В фокусе авторского внимания сознание героя – художника Реброва, отравленное мыслью о несовершенстве мира. «Я сам во всем виноват. Я хотел, чтоб все умерли. Сосны, осока, стихи... Если б я нашел источник жизни, я бы не задумываясь – его отравил. <...> Разве я сам не хотел, чтоб мир прекратил существовать, чтоб все кончилось вместе со мной? Я ходил по этому городу и искал способ, как это осуществить. Каждое существо стремится к теплоте и сырости, <...> потому что каждое существо окружено небытием (человек ни к чему не присоединен, ни с чем несвязан – отбросить эти иллюзии! – человек одинок и точка). Небытие, как луч черного света, в котором плавают маленькие искорки бытия, образуя вращение, – музыка, которую называют жизнь»⁴.

Позиция автора, как и главного героя, антиисторическая, вневременная – взгляд на современность сквозь призму вечности. «Харбинские мотыльки» по жанровой принадлежности роман творческого самосознания, роман о художнике.

Мысль оказывается в фокусе авторского изображения в романе «Мысленный волк» А. Варламова. Своим романом А. Варламов показал, как зародившаяся в мыслях героев смута, стремительно, по цепной реакции расплзается по миру, переполняя его злом. Нитц, иеромонах Исидор Щетинкин, в котором угадывается Гришка Отрепьев, – очаги зла в романе.

В фокусе авторского внимания оказывается *сознание героев*, которое искушено, как Ева, вкусившая запретный плод, отравлено творениями мысленного волка – *войной и смертью*.

Серебряный век – основное время действия в романе, и, казалось бы, роман исторический. Но в «Мысленном волке» встречаются анахронизмы: слово радиация, дядя Том, заранее знающий о предстоящей войне. Настоящее управляется из будущего – эта мысль, как признается сам А. Варламов, важна автору. Весь же роман А. Варламов сравнивает с вьюном, плющом, обвивающим стержень: стержень этот исторический, вьюн же – современный. В конце романа перед героиней Улей небо разверзается, и предстают все времена.

В рамки жанра исторического романа «Мысленный волк» не вписывается. Это также скорее роман неисторический, в котором герои проживают земную жизнь, и происходящее с ними соотносится с вечными константами. В романе изображен «завершенный цикл: человек и мир возвращаются к творцу, время возвращается в вечность»⁵.

¹ Иванов А. Харбинские мотыльки. Таллин, 2013. С. 131.

² Фурин Е. Семя, которое не прорастет. С. 7.

³ Иванов А. Харбинские мотыльки. С. 85.

⁴ Там же. С. 301–302.

⁵ Гуревич А.Я. Что есть время? // Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 121.

По жанровой принадлежности роман А. Варламова – роман о художнике, роман творческого самосознания. «Мысленный волк», как и «Харбинские мотыльки» о том, что все беды человечества – от мыслей, генерирующих разрушительную энергию, которая и порождает на земле войны, бедствия и смерть. Спасение же заключается, как показал «Лавром» Е. Водолазкин, в *метанойе* – в перемене мыслей, в концентрации человеческого сознания на определенном их образе, порождающем созидательную энергию, добро, красоту и исключаящую смерть.

Неисторические романы – явление, характерное не только для русской литературы, но и для современной мировой литературы. Одним из самых ярких примеров неисторического, или антиисторического, романа является роман-антиутопия английского писателя Питера Акройда «Повесть о Платоне».

Искромётная авторская сатира отнюдь не отменяет всей глубины высказанных в романе идей. В «Повести о Платоне», как и в «Лавре» Е. Водолазкина, *времени нет*. Роман П. Акройда, подобно «Трудам и дням» Гесиода, разделен на пять эпох: ок. 3500 до н.э. – ок. 300 до н.э.: эпоха Орфея; ок. 300 до н.э. – ок. 1500 н.э.: эпоха Апостолов; ок. 1500 н.э. – ок. 2300 н.э.: эпоха Крота; ок. 2300 н.э. – ок. 3400 н.э.: эпоха Чаромудрия; ок. 3700 н.э.: сегодня. Герой романа по имени Платон иронизирует над эпохой Крота – эпохой, современной сейчас нам. Иронии подвергаются такие кажущиеся сегодня незыблемыми основания, как *время*, скорость, потребительство, наша наука, наши представления о мире в целом.

«Воистину это мрачный мир, которым правят тяжкая необходимость труда и жажда власти. Даже пчелы “стремятся... беречь время”»; «время: центральная категория эпохи Крота. Этим понятием управлялись тогда все стороны бытия. Вера в верховенство времени видна по обилию словосочетаний: первое время, последние времена, до времени, ко времени, со временем, на время и т.д. Встречается даже: убить время, что было, конечно, невозможно. Это выражение, видимо, употреблялось как метафорическое обозначение страшного святотатства»¹ – так описана эпоха Крота и ее характерный признак – время в романе.

Герои романа иронизируют не только над временем, но и над его порождением – смертью: «Бежать впереди прогресса: обычное для эпохи Крота состояние, связанное с чаением быстрой смерти. Иначе оно называется Танец смерти. Страх смерти в ту пору был частью более обширного страха перед жизнью»². Сатире подвергается числовая система, в которой существует современный человек, само мышление человека, названное машинным разумом, и даже такие, казалось бы, незаменимые бытовые вещи нашей сегодняшней жизни, как метрополитен или антибиотик.

Позиция героя Платона, как и самого П. Акройда, вневременна. «Повесть о Платоне» – антиисторический, антивременной роман творческого самосознания, призванный «взорвать» наше сознание: привычные вещи и явления в нем показаны со стороны, под таким углом, который позволяет оценить их значимость или, наоборот, незначительность. Рассмотренные романы не вписываются ни в жанровые рамки *historical fiction*, ни в рамки какого бы ни было историзма, поглощая его. Назвать их по жанровой принадлежности романами *неисторическими* было бы неверно, как и только *историческими*: в них есть и историческое время, и художественный вымысел. Но в то же время в этих романах проявляется тенденция к антиисторизму, заключающаяся в стремлении авторов бросить «с парохода

¹ Акرويد П. Повесть о Платоне. С. 11, 17.

² Там же. С. 15.

современности» *время – привычное его деление на прошлое, настоящее и будущее*. А это неизбежно приводит к актуализации в этих текстах доисторических, архаических представлений о времени. В романах, говоря словами А.Я. Гуревича, «земное время соотнесено с вечностью, и в определенные решающие моменты человеческая история как бы “прорывается” в вечность»¹. *Универсализм* – основная черта проанализированных текстов. Причем масштаб универсализма – от первых дней сотворения мира до его конца. *Выход в иное измерение бытия* как пока еще не до конца осознанная человечеством возможность – вот что интересует романистов. Пространство и время существуют не объективно, а в сознании человека, поэтому именно сознание героев, их личные истории оказываются в фокусе авторского изображения. Поэтому в этих романах так часто используется форма дневника, дневниковых записей, которые ведут герои.

Синхронно с антиисторизмом в этих текстах прослеживается еще одна важная тенденция – неомифологизм. Рассмотренные романы можно назвать романами неомифологическими, в которых мифологические образы и сюжеты, вновь воспроизводясь, порождают новые мифы, актуальные для современности. Все эти романы – вариации одного вечного сюжета сотворения, поэтому именно мотив творения оказывается в них основным, а героями становятся именно творческие личности.

В заключение можно сказать, что эта наметившаяся и довольно стремительно развивающаяся в современной литературе тенденция к антиисторизму, становясь одной из ведущих, порождает интереснейшее и единое направление неисторизма или антиисторизма в литературе, развенчивая представления о хаотичности и отсутствии связанности, целостности в современном литературном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

Акрюйд П. Повесть о Платоне. М., 2002. 170 с.

Гуревич А.Я. Что есть время? // Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. 350 с.

Иванов А.В. Харбинские мотыльки. Таллин, 2013. 312 с.

Лукач Г. Исторический роман // Литературный критик. М., 1937. № 7. С. 46–109.

«Русский нон-фикшн»: итоги самого престижного книжного форума страны: <http://www.forbes.ru/forbeslife/dosug/307379-russkii-non-fikshn-itogi-samogo-prestizhnogo-knizhnogo-foruma-strany>

Скороспелова Е.Б. Русская проза XX века. От А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003. 420 с.

Скотт В. Айвенго. М., 2013. 576 с.

Шишкин М.П. Письмовник. М., 2010. 416 с.

Фурин Е. Семя, которое не прорастет // Литературная газета. 2014. № 13.

REFERENCES

Ackroyd P. (2002) The Plato Papers. Knopf Doubleday Publishing Group. 192 p.

Gurevich A.Y. What is time? In: Gurevich A.Y. (1984) The Categories of Medieval Culture. Moscow. 350p.

Ivanov A.V. (2013) Harbin Moths. Tallinn. 312 p.

¹ Гуревич А.Я. Что есть время? С.120.

Lukács G. The Historical novel. *Literaturnyj kritik*. Moscow. 1937 No 7.

«Russian non-fiction»: the results of the most book's prestigious forum of the country:
<http://www.forbes.ru/forbeslife/dosug/307379-russkii-non-fikshn-itogi-samogo-prestizhnogo-knizhnogo-foruma-strany>

Skorospelova E.B. (2003) Russian Prose of the XX Century. From A. Bely (*Petersburg*) to Boris Pasternak (*Doctor Zhivago*). Moscow. 420 p.

Scott W. (1977) *Ivanhoe: A novel* London. Dent. XV, 464 p.

Shishkin M.P. (2010) *Pismovnik*. Moscow. 416 p.

Furin E. Seed that will not germinate. *Literary Newspaper*. 2014. No 13.

Сведения об авторе:
Анна Дмитриевна Маглий,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова

Anna D. Magliy,
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
anna.litera.magliy@mail.ru